

УДК 94(420).083

ББК Т3(4Вел)61

ГСНТИ 03.23.55; 16.31.61

Код ВАК 07.00.02; 10.02.21

А. В. Гришин
Брянск, Россия

ПРОБЛЕМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ
СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКОГО
ТОРГОВОГО СОГЛАШЕНИЯ 1921 ГОДА
В РАБОТАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ
АВТОРОВ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. Статья подготовлена по материалам британских и американских историков. Она касается вопроса заключения англо-советского торгового соглашения. Рассматриваются экономические и политические мотивы, заставившие британское правительство пойти на сближение с Советской Россией. Прослеживаются проблемы, которые возникли на пути к заключению этого соглашения. Отдельно рассмотрен вопрос о взаимной пропаганде и проблемы британских подданных, попавших в плен на территории Советского Азербайджана. Выделяется роль Дэвида Ллойд Джорджа в деле подписания соглашения. Оценивается значение торгового соглашения для обеих сторон.

Ключевые слова: Советская Россия; Великобритания; торговое соглашение; Д. Ллойд Джордж; Г. В. Чичерин; Л. Б. Красин; Антанта; НЭП; большевики; пропаганда; переговоры; пленные; Азербайджан; Р. Уллман; Дж. Кеннан; У. и З. Коутс; период холодной войны.

Сведения об авторе: Гришин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент.

Место работы: Брянский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

Контактная информация: 241050, г. Брянск ул. Дуки, 61.
e-mail: al-grishin@mail.ru.

Среди всех внешнеполитических актов Советской России, относящихся к 1921 г., наибольшее внимание в англо-американской историографии приковано к подписанию советско-английского Торгового соглашения. Подобные договоры с другими капиталистическими странами упоминаются чаще всего лишь вскользь и в порядке перечисления [Shuman 1946: 189; Ullman 1972: 453; White 1985: 20—21]. При рассмотрении событий 1924 г. внимание западных историков вновь сосредоточено в первую очередь на англо-советских отношениях: рассмотрение процесса дипломатического признания Советского государства другими западными странами является большей частью чисто конспективным [Gathorne-Hardy 1950: 106—107; Donnelly 1965: 40—41; Mowat 1931: 286]. Тем самым подчеркивается особая роль Великобритании как своего рода флагмана в отношениях между западным миром и Россией.

Еще до окончания гражданской войны на территории бывшей Российской империи западными правящими кругами были предприняты попытки по крайней мере ограниченного упорядочения отношений с Россией. 16 января 1920 г., в основном под давлением премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, который, по мнению Дж. Кеннана, во многом скептически относился к целесообразности интервенции в Россию [Kennan 1960: 36], Верховный совет Антанты отменил экономическую блокаду России. Одновременно были одобрены переговоры, целью которых являлось возобновление обмена товарами между Россией и союзниками. Этот шаг давал возможность отдельным правительствам западных стран формировать собственную независимую политику в отношении Советской России [Ibid.: 36].

Провал попытки союзников посредством интервенции и активной поддержки белогвардейского движения свергнуть новую,

советскую власть заставил британское правительство взглянуть правде в глаза. Суммируя свою политику в отношении России, Кабинет министров пришел 29 января 1920 г. к следующему выводу: «Не может быть и речи о ведении открытой войны против большевиков по той причине, что у нас нет ни людей, ни денег, ни кредита и общественное мнение также настроено против такого курса» [Adamthwaite 1980: 38]. Ллойд Джорджем была сформирована межминистерская комиссия по торговле с Россией с целью координации действий между различными правительственными ведомствами Великобритании в отношении Советской республики. Задачей комиссии ставилось определение «условий для включения в торговое соглашение, если Кабинет решит, что такое соглашение является желательным» [Ullman 1972: 411].

Что подчеркивают практически все англо-американские авторы в связи с началом торговых отношений с Россией? Во-первых, началу нормализации связей между западным миром и советским государством способствовали окончание Гражданской войны и провал иностранной интервенции в Россию. Как отмечает, в частности, Р. Датт, «первый раунд борьбы между капитализмом и социализмом в сфере вооруженного столкновения закончился победой социалистических сил» [Dutt 1936: 278]. Во-вторых, введение НЭПа в России казалось западным политикам возвращением к традиционному ведению хозяйства, в связи с чем возникли перспективы восстановления нормальных взаимоотношений. Историки отмечают, что в капиталистическом мире существовало заблуждение, будто НЭП является отступлением со стороны советских властей [Stern 1968: 78; Northedge, Wells 1982: 31; Dutt 1936: 279], поэтому у западных политиков возникло убеждение в том, что большевизм можно было побороть «честными коммерческими методами» [Dutt 1936: 280].

17 мая 1920 г. советские представители прибыли в Лондон для ведения переговоров с целью заключения торгового соглашения. По свидетельству У. и З. Коутс, установленный контакт был тепло принят лейбористской и либеральной печатью, но саркастически осужден газетами консерваторов [Coates W. P., Coates Z. 1945: 27]. «Manchester Guardian» язвила: «Большевик, настоящий живой представитель Ленина, разговаривал с британским премьер-министром лицом к лицу... Ллойд Джордж смотрел на него и до сих пор жив... Британская империя выстояла» [Shuman 1946: 189].

2 июля 1920 г. глава советской делегации на переговорах Л. Б. Красин отправился

в Москву, увозя документ с условиями британского правительства по заключению соглашения. В документе говорилось о готовности заключить соглашение о взаимном прекращении враждебных действий и о возобновлении торговых отношений на следующих условиях: каждая сторона обязывалась воздерживаться от враждебных действий или мероприятий, направленных против другой стороны, и от ведения какой-либо официальной пропаганды; вопрос о долгах и взаимных претензиях друг к другу в этой области откладывался до созыва мирной конференции [ДВП: 17—18]. В ноте от 7 июля Наркоминдел согласился принять британские условия. Достигнутое согласие по принципиальным вопросам будущего торгового соглашения воспринималось большевиками по-своему. Так, по крайней мере, утверждает британский историк Х. Сабауи: принятие условий британской стороны, среди которых главное для англичан место занимал отказ русских от ведения пропаганды на Востоке, рассматривалось советскими лидерами (Сабауи ссылается на Красина) как в лучшем случае декларация о намерениях; Чичерин, в свою очередь, позднее настаивал, чтобы британские условия рассматривались просто как «изложение принципов», которое должно было обрести конкретную форму в ходе англо-советской политической конференции [Sabahi 1990: 88—89]. При этом автор неоднократно показывает, что советские лидеры не были склонны смешивать исключительно коммерческие вопросы с политическими, к каковым они относили вопрос об отказе от пропаганды [Ibid.: 84—89].

Хотя видимое согласие и было достигнуто, оформлено соглашение лишь в марте 1921 г. Причин такой отсрочки было несколько. По замечанию защищающих позицию Советской России У. и З. Коутс, в то время, когда переговоры должны были успешно завершиться, они внезапно были остановлены из-за событий, совершиенно с ними не связанных [Coates W. P., Coates Z. 1945: 34]. К ним Коутс относят прежде всего обстоятельства Советско-польской войны и, как следствие, требование англичан урегулировать конфликт, что, по словам историков, представляло собой «неприкрытое вероломство со стороны британского правительства», поскольку в ноте последнего от 30 июня не было никакого упоминания о Польше или советско-польских отношениях [Ibid.: 35].

Советско-польская война как серьезное препятствие в советско-английских переговорах, «угрожавшее стабильности в Центральной Европе и всей версальской системе

ме в целом», упоминается также в книге С. Уайта [White 1985: 20]. Коутс же, помимо нее, указывают на проблему военнопленных, вызывавшую «значительное раздражение» и у Уайтхолла, и у Кремля [Coates W. P., Coates Z. 1945: 47], а также «бесконечные вопросы о „враждебной пропаганде“ и „актах вражды“ с обеих сторон, разрешить которые было не легко» [Ibid.: 49].

1 октября лорд Керзон направил Г. В. Чичерину ноту, основная часть которой была посвящена продолжавшемуся содержанию под стражей британских подданных — делу, которое, как отмечает Р. Уллман, уделивший в своем исследовании значительное место вопросу о пленных, могло объединить британский кабинет, несмотря на то, что другие вопросы, связанные с Россией, разобщали его [Ullman 1972: 400]. По информации Р. Уллмана, этими пленными были 5 офицеров и 27 матросов британского флота, которые направлялись из Константинополя в Энзели через Баку, где и были задержаны советскими властями в конце апреля 1920 г. К ним добавились еще 11 военных и 9 гражданских британцев. Информацию о бакинских пленниках мы находим также у Х. Сабауи, который, однако, упоминает 3 морских офицера и 30 матросов [Sabahi 1990: 77].

Еще 11 февраля в Копенгагене было заключено англо-советское соглашение об обмене военнопленными [Keppan 1960: 36]. Процесс обмена начался, однако к лету закончен не был. Но Керзона волновали не те британские подданные, которые еще находились на территории России, а пленные, удерживаемые в Баку. Из всех британцев, находившихся в руках советских властей, именно к ним было приковано особое внимание и правительства, и общественного мнения страны. Сам факт, что их заключение продолжалось, несмотря на протесты из Лондона, стал в Великобритании, по утверждению Уллмана, свидетельством безрассуждства попыток достичь согласия с большевиками [Ullman 1972: 403].

Бакинские пленники были помехой для российских властей, которые в течение июля направили ряд нот, утверждавших, что эта проблема — дело исключительно Великобритании и Республики Азербайджан. С тем, что Азербайджан был независим от Москвы, лорд Керзон категорически не согласился, однако Ллойд Джордж, дабы спасти переговоры, публично сделал именно такое заявление в палате общин [Ibid.: 406]. В конце концов 11 августа Керзон обратился напрямую к Баку [Documents on British Foreign Policy 1962: 761], но оттуда ответили, что пленные будут отпущены взамен на свободу ке-

малистов, содержавшихся под стражей на Мальте; это предложение было отвергнуто [Ibid.: 768—769].

К октябрю 1920 г. британские власти уже неоднократно оказывали давление на советское руководство, подчеркивая, что содержание под стражей бакинских пленных создает серьезную угрозу перспективам англо-советского соглашения. Р. Уллман в своей книге приводит ряд официальных заявлений Ллойд Джорджа и Бонар Лоу о невозможности продолжать переговоры о торговом соглашении, пока британские подданные не будут освобождены из-под стражи [Ullman 1972: 408]. В своей ноте от 1 октября Керзон предупреждал о разрыве переговоров. В ультимативной форме он угрожал, что если до 10 октября англичане не получат подтверждения того, что условия освобождения бакинских пленников готовы, то они предпримут любые действия, которые сочтут необходимыми, для обеспечения их освобождения [ДВП: 244].

В конечном итоге 1 ноября было подписано соглашение об освобождении всех пленных британцев в Баку и переправке их в Тифлис [Там же: 313]. В течение ноября 1920 г. завершился полный обмен военно-пленными между правительствами Советской России и Великобритании. Это, как считает Р. Уллман, устранило серьезное препятствие к восстановлению нормальных двусторонних взаимоотношений [Ullman 1972: 410].

По мнению Р. Уллмана, премьер-министр был уверен, что остальные аргументы против продолжения переговоров — необходимость дождаться прекращения антибританской деятельности на Востоке, а также признания Россией всех долгов — политически были гораздо менее сильными [Ibid.: 415]. Сам историк убежден, что один из этих вопросов, а именно проблема пропаганды, серьезным никогда не являлся [Ibid.: 429]. Впрочем, проблему долгов он, как и Коутс, утрирует до требований отдельных представителей торговых и финансовых кругов [Coates W. P., Coates Z. 1945: 44—45]. Однако, если открыть работу Х. Сабауи, представится, что проблема «пропаганды» была не столь простой и постоянно вспоминалась при обсуждении англичанами вопроса о заключении соглашения с Россией. Ставяясь прямо ничего не утверждать, автор на фактах показывает, как важно было для англичан добиться прекращения советской пропаганды на Востоке и какое большое значение они придавали включению положений об этом в проект соглашения [Sabahi 1990: 127—129]. В преамбуле врученного Красину проекта соглашения говорилось о том, что

советское правительство должно воздерживаться от попыток действием или пропагандой побуждать народы Азии к враждебным действиям против британских интересов, особенно в Малой Азии, Персии, Афганистане и Индии. Согласно Х. Сабауи, Москва изначально заняла позицию, согласно которой детальное обсуждение пропаганды в оговариваемых странах могло быть проведено на политической конференции между двумя странами. И Красин пытался убедить Ллойд Джорджа, что не было необходимости упоминать отдельные страны ввиду общего обязательства советского правительства воздерживаться от пропаганды против британских интересов в Азии. Красин заявил: «С того момента, как соглашение было бы подписано, конечно, советское правительство прекратило бы всю пропаганду в Персии, Афганистане, Индии и других странах». Но Ллойд Джордж напомнил, что для него невозможно добиться утверждения такого соглашения без удовлетворения интересов тех, кто больше всего настаивал на прекращении пропаганды в упомянутых странах [Sabahi 1990: 128].

Проект договора был официально отправлен Красину в конце ноября. При этом Уллман отмечает, что за период между августом 1920 г. и мартом 1921 г. появилось не менее четырех британских проектов соглашения и по крайней мере один советский; хотя все эти версии отличались по форме, их основное содержание оставалось фактически неизменным с момента появления первого проекта до подписания окончательного договора [Ullman 1972: 421].

В течение трех недель декабря 1920 г. Красин в неофициальных встречах с британскими представителями обсуждал проект соглашения. На этих совещаниях были выработаны детали установления торговых связей. В начале января Красин уехал в Москву и вернулся в столицу Великобритании 4 марта, а уже 16 марта 1921 г. советско-английское Торговое соглашение было подписано.

Соглашение широко известно, и необходимости лишний раз его пересказывать, на наш взгляд, нет. Следует, однако, подчеркнуть, что оно носило не только экономический, но и политический характер, накладывая на стороны ряд обязательств, без которых в конкретной исторической обстановке невозможно было и говорить о возобновлении нормальных отношений. Определяющими для советско-английских отношений и имеющими первостепенную важность в двухсторонних контактах по сути для всего исследуемого периода стали обязательства

воздерживаться от любых враждебных действий и ведения какой-либо пропаганды против другой договаривающейся стороны. Советское правительство обещало воздерживаться от любых попыток деятельностью или пропагандой побуждать народы Азии к враждебным действиям против Великобритании или британских интересов, особенно в Индии и Независимом Государстве Афганистан. Английское правительство брало на себя такое же обязательство в отношении стран, ранее входивших в состав Российской империи.

Соглашение рассматривалось как временное. Было условленно, что решение вопроса о взаимных претензиях сторон должно быть сформулировано в общем мирном договоре, заключение которого предполагалось в возможно скором времени [ДВП: 607—614].

Для Советской России соглашение с Англией имело огромное значение, так как оно было первым договором, заключенным с великой капиталистической державой. По словам Уайта, сам факт его подписания был гораздо важнее его условий: советское правительство было де-факто признано капиталистическим государством [White 1985: 20].

Такая оценка не является единичной ни в англо-американской, ни в отечественной литературе. Интерес представляет рассмотрение западными историками причин, по которым Торговое соглашение все же было заключено. Авторы в первую очередь излагают причины британской стороны, поскольку советские мотивы кажутся очевидными. Итак, Д. Кеннан в своей достаточно тенденциозной работе говорит о кризисе перепроизводства в западном послевоенном мире и об острой борьбе за рынки сбыта; российский рынок привлекал западных предпринимателей, и прежде всего англичан [Kennan 1961: 194—195], которых историк обвинил в отсутствии «международной солидарности» в отношении ведения дел с Россией и стремлении «поставить надежду на выгоду выше необходимости единства политики» среди западных держав. Он утверждает, что фактом, разоблачающим англичан, является спешное подписание соглашения после долгих месяцев сомнений после того, как до британцев дошла информация о советском желании разместить заказы на строительство локомотивов в Германии [Ibid.: 197].

Интерес представляет также оценка соглашения, данная в весьма тенденциозной работе Р. Моуэта, вышедшей спустя ровно 10 лет после описываемых событий. Автор утверждает, что «соглашение имело неутешительные результаты», поскольку оно не

устралило «величайшего препятствия» для ведения нормальных отношений, а именно советскую государственную монополию внешней торговли. Здесь позиция автора не совсем ясна. К тому же историк жалуется, что антибританская пропаганда на Востоке так и не была прекращена [Mowat 1931: 282].

Англо-советское соглашение послужило сигналом западному миру к возобновлению отношений с Россией. 6 мая 1921 г. было заключено советско-германское соглашение, которое признало представительство РСФСР единственным законным представительством Российского государства в Германии и предоставило ему дипломатические права и привилегии. Правительство Италии 26 декабря одобрило предварительное соглашение, своим содержанием сильно походившее на советско-английское Торговое соглашение. За несколько месяцев до этого, 2 сентября, было заключено советско-норвежское торговое соглашение, возобновлявшее отношения между двумя странами.

Советская Россия вступала в новый, 1922 год страной, сумевшей установить контакты с западным миром. Тем не менее Европа была все еще не готова разговаривать с Россией на равных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы внешней политики СССР = ДВП. — М., 1959. Т. 3.
2. Adamthwaite A. The Lost Peace: International Relations in Europe. 1918—1939. — London, 1980.
3. Coates W. P., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. — London, 1945.
4. Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. First series. — London, 1962. Vol. 12.
5. Donnelly D. Struggle for the World. The Cold War, 1917-1965. — N. Y., 1965.
6. Dutt R. P. World Politics, 1918—1936. — London, 1936.
7. Gathorne-Hardy G. M. A Short History of International Affairs, 1920—1939. — London, 1950.
8. Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. — Boston, Toronto, 1961.
9. Kennan G. Soviet Foreign Policy, 1917—1941. — Princeton, 1960.
10. Mowat R. B. A History of European Diplomacy, 1914—1925. — N. Y.; London, 1931.
11. Northedge F. S., Wells A. Britain and Soviet Communism: The Impact of Revolution. — London, 1982.
12. Sabahi H. British policy in Persia, 1918—1925. — London, Portland, 1990.
13. Shuman F. L. Soviet Politics at Home and Abroad. — N. Y., 1946.
14. Stern G. The Foreign Policy of the Soviet Union // The Foreign Policies of the Powers: Studies in International Politics. — London, 1968. P. 69—110.
15. Ullman R. H. The Anglo-Soviet Accord. — Princeton, 1972.
16. White S. The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921—1922. — Cambridge, 1985.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.